

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

СОКАТИЛ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Сокатил

Аннотация

«Собираются.

Метелица метет, на улице зги не видать. В калитку идут Василь-Силантьичеву. На крыльце снегу натоптали, и в сенях натоптали. Идут и в одиночку, и парами, и тройками...»

Зинаида Гиппиус

Сокатил

Собираются.

Метелица метет, на улице зги не видать. В калитку идут Василь-Силантьичеву. На крыльце снегу натоптали, и в сенях натоптали. Идут и в одиночку, и парами, и тройками.

Ночь темная, метельная, да хоть бы и не так – опаситься да хорониться много нечего: вся Ефремовка – свои, верные. А село Крутое – шесть верст. Да и там своих много. Семен Дорофеич сам в Крутом проживает. В Ефремовку ездит, потому что у Василь-Силантьича изба очень приспособленная.

Горница такая есть, пристроена, во двор вся, и без окон.

Там и собираются.

Дарьюшка пришла с мужем, Иван Федотычем. Во дворе с другими повстречались. Идут все, закутанные, с узелками.

В передней избе у Василья Силантьича уж был народ. Рядом с хозяином, впереди, – сидел сам батюшка, Семен Дорофеич, рослый, не старый, – да и не молодой, борода вся серая.

Кто приходил – низко кланялись, здоровались.

Села и Дарьюшка на лавку, в ряд, где бабы сидели. Темный платок пониже подвинула.

Молчали. Да и дверь все хлопала: все новые братцы и сестрицы приходили, кланялись, здоровались и садились по-

одадь.

Потом дверь перестала хлопать. Иванушка, сын Василья Силантыча, вышел на двор – посмотреть, нейдет ли еще кто, и замкнуть ворота.

С ним вошел один запоздалый. А больше уж никто не приходил, – все.

– Все ли? – еще спросил Семен Дорофеич.

А потом встал, за ним мужчины встали, придерживая узелки, и пошли через сени в дальнюю дверь.

Там – другие сени, теплые, и боковушка, где одевались.

Всем порядки были привычны, всяк знал дело, а потому не случилось ни суеты ни неустройства. Сестры остались смиренно сидеть, и когда мужчины оделись, – пошли тоже в боковушку одеваться.

Разговоров пустых не было. Торопились, молчали.

Дарьюшка проворно скинула с себя все: чулки, башмаки, скинула и рубашку, – и привычно и ловко набросила на себя другую, вынутую из узелка, с широкими и длинными, до самых пят, рукавами. Поверх еще завязала белую юбку. В узелке все было: и платок, и косынка. Старая Анфисушка не скинула чулок, потому что у нее ноги были больные; а прочие сестры все босиком.

Свечки позажигали одна у другой и пошли молча через сени в радельную.

Лица у всех, и у старых, и у молодых, теперь были не такие строгие и скучные, как в избе под темными платками. От

зажженных свечей, верно, – засветились, потеплели.

А в радельной было еще теплее и светлее. Светлее, чем церковь в Христовскую заутреню. По бревенчатым стенам без окон горели пуки свечей, и сверху, с потолка, – «люстра» со свечами. На полу – холст чистый крепко натянут.

Братья сидели на лавочках, по стенам. Семен Дорофеич – на лавке, в углу, у стола, переkreщенного длинными платками, на которых лежал медный крест.

Дарьюшка знала, что не во многих кораблях есть такие устроенные, обширные радельные, – и радовалась. Она привычно и крепко верила, что ходит в истине, и любила раденья. Сама, впрочем, хоть и кружилась много, и в одиночку, и в схватку знала, и круговые и стеночные у них случались, и веселье и умиление утомленное, бывало, сходили в нее, – но сама никогда еще в духе не хаживала и не пророчествовала. «По недостойнству моему», – говаривала она привычно. В Дарьюшке, как она ни кружилась и ни пьянела, все оставалось что-то будто неподвижное, невсколыхнутое, туповатое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.